

УДК 7.03

ЛУКЪЯНОВ Аркадий Викторович,
профессор Башкирского государственного
университета

LUKYANOV Arkady Victorovich,
Professor, Bashkortostan State University

БАХТИЗИНА Дильбар Исмаиловна,
доцент Сибайского института Башкирского
государственного университета
dilbar.bach@mail.ru

BAKHTIZINA Dilbar Ismailovna,
Associate Professor, Sibay Institute, Bashkortostan
State University
dilbar.bach@mail.ru

**ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЕ И
ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ В ПОЗНАНИИ
ПРЕКРАСНОГО НА МАТЕРИАЛЕ
РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА ИДЕИ
КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ**

**THE TRANSCEDENTAL AND THE
TRANSCEDENT IN PERCEPTION OF THE
BEAUTIFUL, UPON THE DATA OF
RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE
CONCEPT OF CLASSICAL MUSIC**

В статье рассматриваются «трансцендентное» и трансцендентальное» начала в познании прекрасного и красоты межчеловеческих отношений. При этом анализ данных универсалий осуществлен автором на материале ретроспективного анализа самой идеи «классической музыки», обладающей потенциальной способностью самоопределения. Авторы обосновывают тезис, согласно которому красота связана с осознанием «горизонта» потенциальных музыкальных явлений и событий. Классическая музыка рождается на стыке материального и идеального, но «энергия» музыкальной красоты возникает как результат «самопроизвольного» варьирования «предметного бытия». Авторы делают вывод о том, что классическая музыка составляет основу самого «образа действия» человека, фундамент осознания его связи с миром непреходящих, абсолютных ценностей.

The paper considered both the «transcendent» and transcendental» origins in perceiving the beautiful and beauty in interpersonal relations. The authors explored these universals on the data of the retrospective analysis of a concept of «classical music that has implied the capacity of self-determining. The authors have substantiated the point that beauty is related to a recognition of a «horizon» of expected music phenomena and occurrences. Classical music is born at the interface of the material and ideal, but «energy» of the beauty in music emerges owing to an «arbitrary» variation «of the material being». The authors have come to conclusion that classical music is the basis of a «line of action» of a human being, a foundation for perceiving his or her relation to the world of eternal and absolute values.

Ключевые слова: трансцендентальное и трансцендентное, классическая музыка как идея, духовная жизнь, отношения, универсалия, анализ, самоопределение, музыкальная красота.

Keywords: the transcendental and the transcendent, classical music as a concept, spiritual life, relations, universal, analysis, self-determination, the beauty in music.

Современный мир находится в состоянии кризиса. Хотя ощущение кризиса как сложностей в развитии общества было присуще всем временам, но XX–XXI вв. в этом отношении заняли уникальное положение. Мировые войны, экономические катаклизмы, стремительное развитие технологий, приводящих к информационному коллапсу, реальная угроза глобальных катастроф – все это, по справедливому замечанию Т.Ю. Сидориной, порождает «устойчивое и широко распространенное кризисное сознание» [6, с. 8]. Кризисное сознание, напряженно ищущее выхода из ситуации, вызывает острую потребность в некоей духовной опоре. Современное общество испытывает недостаток духовности, который пытается восполнить за счет выявления ее скрытых резервов во всех областях человеческой деятельности.

Разорванность сознания, столь типичная для мировосприятия современного человека, мучительно переживается не только на эмпирическом уровне. Оно становится предметом художественного осмысления и превращает произведение искусства в рефлексивное поле изучения духовного мира человека. Само «Я» человека, оказавшись подверженным «временности», зачастую переживается как абсолютное «Я», разорванное на «Я» и «не-Я». Дух времени присущ любому переживанию, которое отталкивается от той мысли, что само время приоткрывается в культуре, для которой потенциал переживания является основополагающим. Без переживания нет и потенци возможности самой культуры, стремления человека к прекрасному. В этом смысле само время приоткрывает в актуальных переживаниях заранее включенные потенциалности. В то же время «конструирование» самой предметности объединяет «переживания и актуальные, и потенциальные» [9, с. 1053].

Проблемы, имеющие отвлеченный характер и, казалось бы, далекие от насущных вопросов современности, приобретают сегодня небывалую актуальность. Среди них выделяется проблема красоты как одного из предельных оснований бытия, все чаще попадающая в фокус внимания философской мысли. Сущность красоты заключается, на наш взгляд, в наличии потенциальности как огромной движущей силы бытия. Осознание горизонта потенциальности, раскрывающегося в красоте, позволяет причислить ее к фундаментальным основаниям бытия.

Если бы красота была просто воплощением порядка, то в ней отсутствовал бы тот элемент свободы, непредсказуемости, который составляет творческую ауру явления и будит мысль. Красота – это не столько сам порядок, сколько его предвкушение и острое переживание его ожидания. А.В. Волошинов определяет красоту как диалектическое единство первоначал Космоса и Хаоса, на границе которых она живет [2, с. 14]. Искусство, существующее по законам красоты, не скованно установленным порядком, но реализует канон свободно, раскрывая бесчисленную множественность его проявлений. Искусство, воплощающее свободу, есть «дерзновенный порыв за пределы этого мира, к миру красоты» [1, с. 293]. В этом раскрывается трансцендентальный характер красоты, создающей ситуацию вечной устремленности к идеалу.

«Пограничный» характер красоты проявляется и в музыке, где музыкальные явления и события рождаются на стыке идеального и материального. Сама энергия красоты возникает после «самопроизвольного» варьирования одностороннего предметного бытия. Красота, возможно, связана с неким «универсальным априори», вне которого вообще немислимо само «трансцендентальное я». Красота, таким образом, трансцендентальна, поскольку задает «максимы» человеческой деятельности. Достижение красоты есть освоение духовного опыта всего человечества через призму опыта личного, субъективного. В красоте великих произведений искусства, по словам В. Соловьева, даны «проблески вечной красоты», позволяющие «предошущать нездешнюю, грядущую для нас действительность» [7].

Трансцендентность прекрасного как недостижимого идеала красоты определяется тем, что оно стремится вырваться за пределы всякого возможного опыта. Прекрасное постоянно покидает границы феноменологической теории, в то время как красота, связанная с понятием «эйдетической феноменологии», вновь и вновь вызывает к любому возможному смыслу существования человека, к миру творческих возможностей общественного субъекта и, практически, пребывает внутри самой «трансцендентальной субъективности».

Красота определяет тонус мироощущения. В ней всегда заключено стремление к расширению возможного, в ней проявляется страсть «к расширению своих границ», которая определяется Х. Ортегой-и-Гассетом как жажда жизни [4, с. 128]. В красоте заключена великая созидательная сила, дающая импульс творению. Можно так же сказать, что красота выступает неким чувственным образованием «Я», самосознания. Она в данном отношении телесна и, следовательно, нуждается в смысловой «надстройке» над самим самосознанием. Красота таинственна, она постоянно отсылает нас к неизвестному, давая возможность постоянно двигаться по пути духовных открытий. Н.А. Бердяев отмечает, что красота «в своей последней сущности – неопределима, красота – великая тайна» [1, с. 306]. Но бесконечное приближение к тайне позволяет открывать бесценные сокровища духа.

Красота не является чисто трансцендентным понятием. Она, с одной стороны, устремлена к миру иному, выходящему за пределы чувственного опыта, а с другой – детерминирует сам земной мир, с его печалью и радостями. Природа красоты, таким образом, обнаруживает свою двойственность. В ней проявляется устремленность к идеалу и воплощение земного опыта, что делает ее своеобразным связующим звеном между миром реальным и трансцендентным.

Красота раскрывает себя и в лике любви, которая обнаруживает себя, по словам Э. Левинаса, как вечная «дружость Другого», или «инаковость, которая не выступает в качестве изначальной самоданности предмета [5, с. 89]. Любовь, как красота человеческих взаимоотношений, связана с постоянной явленностью лика другого. При этом сам лик не есть нечто увиденное. Другое лицо невозможно зафиксировать в самой мысли. Лицо любимого человека постоянно оставляет границы анонимного бытия. Это лицо постоянно врывается в земной мир. Оно означает явленность и ответственность за все совершаемые действия. Любовь при этом не покидает самой жажды общения «Я» и «другого». Поэтому, можно сказать, что ответственное отношение «Я» к другому выступает как изначальная структура самой «трансценденции», то есть устремленности человека к красоте, превосходящей все то, чему служит и перед чем преклоняется примитивный рассудок.

В борьбе за красоту сам субъект зачастую оказывается заложником каких-то неизвестных сил. Но ясно одно: в существующем мире есть сострадание, понимание и близость общечеловеческим ценностям. Запрет, зачастую написанный на лице «другого», невозможно считать доказательством «высшей справедливости». Но это есть именно то, посредством чего сама справедливость обретает смысл. Человек, для того чтобы познать красоту, должен отодвинуть ее в сторону прекрасного, бесконечно далекого. Человек, вступая в борьбу с «неуниверсальными отношениями», тем не менее всегда помнит о присутствующем и недоступном «всечеловеческом» начале, близком и отличном от земных отношений.

Задача философии не состоит в том, чтобы ответить на все вопросы, которые выдвигает жизнь. Ее назначение заключается в том, чтобы поставить эти вопросы. Сама жизнь человека, погруженного в познание, должна быть направлена на поиски ответов. В познании, особенно философском, важен не столько конечный результат, сколько сам процесс движения к истине, наполненный открытиями. Сегодня мы должны заниматься философией, не руководствуясь вопросом о существовании внешнего мира и самого предела знания. Значение имеет лишь тот факт, «что мы существуем в мире, наполненном смыслами и возможностями» [5, с. 235]. Ответы можно искать и находить не только в науке, но и в искусстве. Классическая музыка открывает новые горизонты познания человека, мобилизуя скрытые творческие потенции его личности.

Понятие «трансцендентального субъекта» в настоящее время достаточно широко применяется в «трансцендентальной философии». При этом под ним мыслится некая «инстанция», позволяющая проводить логическую обработку всякого эмпирического содержания до потенциально бесконечных границ самого существования прекрасного. К примеру, само сознание призвано таким образом составлять представления с моральными ценностями, что в данный процесс могут оказаться вовлеченными буквально все мыслимые представления, в том числе представления о красоте и благе. Трансцендентальное сознание в этом плане преобразует любую «предметность» в непрерывный поток человеческих чувств и эмоций. При этом сама трансценденция задает основные принципы протекания чувственных представлений.

И. Кант называет трансцендентальным любое познание, «занимающееся вообще не столько предметами, сколько нашими понятиями a priori о предметах» [3, с. 41]. В философии Канта трансцендентальное – это все, что относится к априорным (то есть доопытным или внеопытным) условиям возможности познания, в том числе и познания прекрасного. Трансцендентальное, таким образом, организует сам опыт овладения прекрасным и совершенным. Из данной идеи рождается и сама «трансцендентальная эстетика» как исследование априорных форм чувственности. На наш взгляд, классическая музыка необходима в этом плане для того, чтобы как можно резче прочертить границы самого философского отношения человека к человеку и миру. Дух классической музыки нацелен не на сами «предметы» земного мира, а на нечто, выходящее за границы опыта. Этот дух, таким образом, характеризует сам переход нового знания и действия человека в систему знания об общечеловеческом достоинстве добродетели. В этом проявляется мудрость музыки. Она, видимо, обладает потенцией конструирования самой познавательной способности индивидуума. При этом данная способность выступает условием возможности самого социокультурного и нравственного опыта.

Дух классической музыки выступает как некая «единая жизнь», которая может противопоставить трансцендентальное (как нечто «имманентное») трансцендентному. Такая музыка, так же как и поэзия, противостоит именно такому знанию, которое переступает за рамки разума человека и в этом смысле становится недоступным самому теоретическому познанию. В данном отношении дух классического сочинения становится предметом «веры». Красота музыки постигается не рассудочно, но интуитивно, таким познанием, в котором воедино сливаются все духовные силы человека. Дух музыки, в котором есть «пророчество о грядущей воплощенной красоте» [1, с. 310], устремлен к трансцендентному началу, идеалу, возможно и не достижимому.

Заметим, что трансцендентное есть все то, что выходит за границы возможного опыта. Если музыку связать только с трансцендентным, то прервется связь и сама гносеологическая направленность учения И. Канта и И.Г. Фихте с идеей поиска самих условий или чистых потенций познавательного процесса. Но этого не должно быть. Музыка всегда вдохновляла не только художника, но и ученого на поиск новых форм взаимоотношения между людьми, человека и мира. Она, часто выступая в качестве противоположности всему эмпирическому, выводила творчество на новый уровень «трансцендентального сознания», то есть сознания, устремленного к «неземной» красоте. «Трансцендентальный субъект» в самом музыкальном творчестве зачастую становился автономным источником «всех своих переживаний».

Музыка есть настолько своеобразное отражение человеческого бытия, что о ней уместно говорить как о совершенно особом мире, далеком от всего эмпирического. Прикосновение к музыке дает человеку возможность подняться над мелочностью сиюминутных интересов. Она, по мнению В. Соловьева, отражает «глубочайшие внутренние состояния, связывающие нас с подлинной сущностью вещей и с невидимым миром» [7]. Сила музыки состоит в ее устремленности к трансцендентному началу, прикосновение к которому человек ощущает как душевное потрясение.

Музыка, как и любое знание, обобщает и структурирует духовный опыт человечества. Дух классической музыки, сопряженный с мудростью человека проникать в недоступные тайники чувственности, связан с добродетелью как проявлением его высшей духовной сущности. Му-

зыка способствует проникновению чувства ценности в саму жизнь, делая ее бесценной. Музыка проникает в любое ощущение, «предощущение» вещей, во всякое действие и реагирование человека на несправедливость, вплоть до спонтанного, свободного оценивания вещей и культурных процессов. Музыка сопровождает любое переживание человека постижением им всего действительного бытия в этическом плане именно с точки зрения самого этого бытия. Классическая музыка лежит в самой основе образа действия человека, в основе осознания его связи с миром непреходящих ценностей, абсолютных и никогда не потребляемых до конца.

Классическая музыка как идея позволяет достичь связи с самой действительностью, а, тем самым, и с духовной жизнью. Музыка открывает дорогу не к теоретизирующему, но чувственно-логическому познанию бытия, познанию, позволяющему мобилизовать все духовные силы человека в их целостности. Это особое открытие сущности бытия, сопряженное с его непосредственным переживанием. Оно лишено той иллюзии, которой по словам Шеллинга, страдают отдельные интеллектуалы, находящиеся «в надежде, что с познанием будет легче управиться, чем с бытием, а затем, на основе познания... отыскать легкий и простой путь в бытие» [8, с. 156].

Музыка, с ее способностью проникать в самую сущность бытия, дает человеку возможность ощутить ритм и динамику жизни, недоступной человеку в его эмпирическом существовании. Музыка, о которой мы говорим, как форма нравственной и мудрой духовной жизни, вливается в жизнь человеческого рода. Она становится самым способом увлеченности человека вопросом о существовании внешнего мира, не превращает сам поиск знания о человеке и самой сущности действительности в пустую трату времени. Но именно это обстоятельство и делает музыку духовной, придает ей потенцию самоопределения и самоорганизации, что, в свою очередь, выступает основой самой духовной жизни человека и социума.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бердяев Н.А. Смысл творчества. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. – 414 с.
2. Волошинов А.В. Математика и искусство. – М.: Просвещение. 2000. – 399 с.
3. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Институт философии РАН. – М.: Наука, 2006. – 936 с.
4. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». – М.: Алгоритм, 2009. – С. 105–157.
5. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т.4. От романтизма до наших дней. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 880 с.
6. Сидорина Т.Ю. Философия кризиса. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 456 с.
7. Соловьев В. Общий смысл искусства. [Электронный ресурс]: URL library.ru/text/16/p.1/index.html/ (Дата обращения 22.08.2014)
8. Шеллинг Ф.В.Й. Система мировых эпох: Мюнхенские лекции 1827–1828 гг. в записи Эрнста Ласа. – Томск: Водолей, 1999. – 320 с.
9. Шуман А.Н. Трансцендентальная феноменология. Новейший философский словарь. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.

REFERENCES

1. Berdyaev N.A. Smysl tvorchestva. ? M.: AST: Astrel: Poligrafizdat, 2010. ? 414 s.
2. Voloshinov A.V. Matematika i iskusstvo. ? M.: Prosveshchenie. 2000. ? 399 s.
3. Kant I. Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh. Institut filosofii RAN. ? M.: Nauka, 2006. ? 936 s.
4. Ortega-i-Gasset KH. Degumanizatsiya iskusstva. Krizis soznaniya: sbornik rabot po "filosofii krizisa". ? M.: Algoritm, 2009. ? S. 105?157.
5. Reale D., Antiseri D. Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dney. T.4. Ot romantizma do nashikh dney. ? SPb.: TOO TK "Petropolis", 1997. ? 880 s.
6. Sidorina T.YU. Filosofiya krizisa. ? M.: Flinta; Nauka, 2003. ? 456 s.
7. Solov'ev V. Obshchii smysl iskusstva. [Elektronnyy resurs]: URL library.ru/text/16/p.1/index.html/ (Data obrashcheniya 22.08.2014)
8. SHelling F.V.Y. Sistema mirovykh epokh: Myunkhenskie lektсии 1827?1828 gg. v zapisi Ernsta Lasa. ? Tomsk: Vodoley, 1999. ? 320 s.
9. SHuman A.N. Transstsendentalnaya fenomenologiya. Noveyshiy filosofskiy slovar. ? Minsk: Knizhnyy Dom, 2003. ? 1280 s.